Сама методика работ Г. А. Нудьги вызывает в ряде случаев возражения. Так, Нудьга, отрицает совершенно очевидное деление памятника на два извода, считая, вопреки Харламповичу, и письмо запорожцев, и письмо чигиринцев одним произведением, и в силу этого вносит путаницу в датировку, говоря о списках письма запорожцев, относящихся к XVII в., а их-то пока и не найдено.

Нельзя, по-видимому, считать письмо запорождев составленным до 1620 г. на Украине только на основании того, что под этим годом в Казачьей хронике 1636 г. зафиксирована переписка турецкого султана с польским королем, содержащая аналогичные пародийные титулы. Во-первых, переписка эта сильно отличается от письма запорождев, имеет самостоятельное содержание, не перекликающееся с содержанием казачьего послания. Во-вторых, дошедшая до нас в составе более позднего памятника — Летописи Самоила Велички XVIII в., — она требует еще изучения истории и времени своего возникновения.

Едва ли можно, как делает это Г. А. Нудьга, класть письмо запорожцев в основу всех произведений, имеющих пародийные титулы, начиная с поэтической повести об Азове и кончая уже упомянутой перепиской польского короля с турецким султаном. Скорее всего оно представляет собой один из фактов довольно распространенной традиции, существовавшей, может быть, с XVI в. и на Украине, и на Руси, и в Польше.

Наконец, неоднократные перепечатки уже известных по более ранним изданиям текстов и вариантов письма запорожцев, хотя и собирают их вместе, но, не сопровождаемые никаким текстологическим исследованием, не вносят ничего нового в изучение памятника.

Таким образом, за последнее время не было обнаружено и опубликогано ни одного нового списка письма запорожцев турецкому султану. Возможно, распространение казачьего послания в списках сдерживалось крайней энергичностью его выражений, более свободно и широко живших в изустной передаче.

* * *

Обострение русско-турецких отношений в XVIII в., войны 70—90-х годов, в результате которых Россия получила выход к Черному морю и присоединила Крым, откуда до того совершались постоянно набеги татар на украинские земли, — вот та благоприятная обстановка, в которой могло распространяться такое антитурецкое произведение, каким является переписка запорожцев с турецким султаном. Один из вариантов этого произведения, находящийся в сборнике XVIII в. (БАН, 26.2.359; скоропись, бумага 80-х годов XVIII в.), мог возникнуть во время русскотурецкой войны 1768—1774 гг., может быть, уже тогда, когда были одержаны победы при Ларге и Кагуле, а турецкий флот сожжен в заливе Чесма.

Говоря о появлении антитурецких произведений на Руси в XVII в., А. Попов связывает традиционные взгляды на турок как на исконных врагов «христианства и самой Руси» с определенной литературной традицией: «В людях книжных этот взгляд укреплялся и литературными памятниками, разнообразными повестями о взятии Царыграда турками и разрушении православных славянских государств, разными предвещаниями, распространенными в наших сборниках и цветниках XVII в., как например предсказания Мефодия, Льва Премудрого или надпись на крыше гробницы царя Константина, в которых открывалось, что "рус-